

Литературный АЗЕРБАЙДЖАН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (20)

Февраль

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА
1955

МИР ДЖАЛАЛ

УЛДУЗ

Рассказ

1

Представившись директору, Галендаров обратился к нему тоном следователя:

— Скажите, пожалуйста, работает ли у вас парень по имени Улдуз Галендаров? — И, не дожидаясь ответа, добавил: — Худощавый, брюнет.

Директор позвонил секретарю:

— Пригласи сюда Дадаша.

Дадаш, начальник отдела кадров, знал наизусть анкеты всех рабочих и служащих завода. Он обладал особым даром — сразу и прочно запоминать все фамилии, которые хотя бы раз упоминались в приказах.

Распахнулась дверь, и в кабинет вошел невысокий черноволосый человек с мясистым лицом, играя ключом на длинной медной цепочке.

— Да, есть у нас такой, — ответил он директору мгновенно. — Месяца два работает в модельном цехе. Пришел к нам прямо из школы.

Галендаров подался вперед.

— Он самый. Окончил девятый класс.

И перегнувшись через стол, он доверительно заговорил:

— Знаете, Улдуз — мой единственный сын. Дома произошла, как это бывает во всякой семье, небольшая размолвка, и он, подумайте, обиделся и ушел. Целых два месяца я его повсюду разыскиваю. Наконец, мне указали на ваш завод... Слава богу, нашелся. Очень прошу вас вызвать моего сына сюда, я уведу его домой. Как там беспокоятся!

Директор не подал и виду, что слова гостя пришлись ему не по душе.

— Скажите, разве вы против того, чтобы ваш сын работал на заводе?

— Какая там работа. Мальчик переходит в десятый класс. Кто нуждается в его зарплате? Он поступил сюда просто из упрямства...

Директор нахмурился: «Послушает ли тебя парень, решивший жить самостоятельно?» Он не успел высказать это вслух, как в разговор вмешался Дадаш:

— Рабочий день кончился. Зайдите завтра...

— Вы, вероятно, знаете, где он живет. Прошу вас дать мне адрес.

Галендаров записал адрес, вышел. Директор и Дадаш переглянулись.

— Что-то мне этот Галендаров не очень нравится. Разузнай поподробнее, что там за история.

Начальник отдела кадров молча кивнул и вышел из кабинета.

В это время за столиком в рабочей столовой сидел Улдуз, склонившись над тарелкой. Подняв голову, он взглянул в окно и нахмурился. По улице шел отец. Откуда он мог взяться?..

Улдуз бросил вилку, торопливо подошел к кассе, протянул пятирублевую бумажку и, не дождавшись сдачи, выскочил наружу.

2

Когда-то Галендар Галендаров работал счетоводом на овцеводческой ферме в селении Хачбулаг. Он снимал небольшую комнатку в доме молодой уже женщины по имени Гюлляр. Со временем он привязался к этой семье и женился на молоденькой дочери Гюлляр — Беюкханум. Потом Галендаров поехал в город на бухгалтерские курсы. И хотя эти курсы были только шестимесячные, Галендаров в село больше не вернулся, навсегда покинул Беюкханум. От алиментов он пытался увильнуть. Однако через полгода суд вынес решение о выплате ребенку алиментов, а вскоре Беюкханум скончалась от тифа. Ребенка привезли Галендарову. Теперь уже он был инспектором райфинотдела, жил с молодой татаркой по имени Амина. Она отказалась принять ребенка. Улдуза отдали в детский дом. Через некоторое время жизнь с Аминой показалась Галендарову тягостной. Обвинив ее в жестокосердии, он распрощался и с ней.

Меж тем Улдуз, забытый отцом, рос в детском доме. Когда ему исполнилось восемь лет, его привели к отцу. Малыша ожидала встреча с новой матерью. Это была высокая, полная женщина, всегда нарядно одетая. Держалась она обычно замкнуто, обособленно, ни с кем не сближаясь. Она ни разу не приласкала Улдуза, не сказала ему доброго слова.

Так начались школьные годы Улдуза. Галендаров месяцами отсутствовал, разъезжая по районам.

Соседка, тетя Секина, обычно убиравшая комнату и кормившая мальчика, всегда ворчала, что ребенок заброшен родителями, и старалась по-своему его утешить.

— Ты занимайся своими уроками, сынок. Отец скоро закончит дела в районах, и пока ты вырастишь, он, бог даст, тоже поумнеет...

Действительно, Галендаров вскоре стал реже выезжать в районы. Как-то, присев рядом с Улдузом на диван, он полистал его тетрадки, учебники и, положив ему в карман трешницу, со вздохом сказал:

— Сынок, я не смог выйти в люди, хоть ты не подведи.

Улдуз, впервые видя отца таким, был тронут его сердечным тоном. Трешницу он положил в карман, потом вынул, складывая ее то вдвое, то вчетверо, перекладывая из правого кармана в левый, поминутно ощупывая, чтобы удостовериться в ее целостности и сохранности...

Прошли годы. Улдуз учился уже в девятом классе.

Однажды, возвратясь из школы домой, он застал отца за обедом с какой-то незнакомой женщиной. Не успел Улдуз снять пальто, как Галендаров поднялся и, подойдя к нему вплотную, шепнул ему на ухо:

— Сынок, я привел тебе такую мать, которая будет лучше родной.

— Я уже видел немало матерей...

— Но такую ты видеть не мог. Подойди поближе, познакомься. Зовут ее Агибет.¹ Как говорится, да будет ясен и счастлив конец твоего пути!

¹ Агибет — конец, исход.

Улдуз нехотя подал ей руку, словно боясь прикоснуться к чему-то холодному. Агибет пожала руку Улдузу своей горячей и пухлой ручкой.

— Это и есть наш сын?

Когда же она потянулась к нему, чтобы поцеловать его в щеку, Улдуз испуганно откинулся назад. Это возмутило отца.

— Не смей мне делать глупостей, это твоя мать!

Агибет, налив в стакан водки, примирительно сказала Улдузу:

— А ну-ка, выпей!

Галендаров поддержал:

— Выпей, сынок, выпей за здоровье нашей мамы.

Улдуз отвел глаза. В этот миг перед ним возник образ его родной матери, которую он знал только по портрету да по скупым рассказам Секиты... Он резко повернулся и, схватив школьную сумку, выбежал.

Галендаров, чокнувшись с Агибет, осушил свой стакан и, откусив белую головку лука, произнес с кислой гримасой:

— Агибет-ханум, ты должна его извинить. Он ведь еще ребенок, ну что он может, на самом деле, понимать? Что он видел в жизни?

3

Глубоко оскорбленный фальшивой лаской незнакомой женщины, Улдуз шел, сам не зная куда. Трамваи, машины, здания сливались в какую-то пеструю стремительную ленту. С шемящей грустью думал он о родной матери, словно чувствуя на себе ее печальный и нежный взгляд. Если бы в это время кто-нибудь со стороны наблюдал за этим одиноко шагающим школьником, то, наверно, решил бы, что с ним стряслась какая-то беда.

...Улдуз, милый мой дружок! Ты совсем недавно простился с нелегким детством. Я хорошо понимаю тебя. Самые лучшие дни твоей жизни проходили среди сверстников и школьных товарищей. Школа, заботливо тебя растившая, воспитала в тебе добрые чувства, хорошие стремления. В своем же отцовском доме ты видел совсем другое. И вот теперь ты нашел в себе мужество порвать с ним. И ты прав, мой дружок, хотя и трудно, очень трудно уйти от родного отца...

Улдуз с перекинутой через плечо сумкой быстро шел по берегу моря, не разбирая дороги. Он не видел людей, наслаждавшихся весенней прохладой, не слышал городского шума. Но чем дальше уходил он от отцовского дома, тем яснее становились его мысли. «Нужно было мне все же посоветоваться с Ильясом, сказать в школе...» И сам же отвечал себе: «Что может сделать школа или секретарь комсомольской организации? О чем они с ним будут говорить, с отцом? Разве его переделаешь?»

Он опустил руку в карман, в нем зазвенела мелочь. Улдуз вскочил в трамвай. Его внимание привлекли объявления, расклеенные на стенах вагона. Он стал читать их, повторяя про себя адреса учреждений, объявлявших о наборе рабочей силы. На небольшом листке бумаги крупными буквами сообщалось, что «трубопрокатному заводу требуются ученики. Принятые обеспечиваются питанием, одеждой и общежитием». Он сразу же пошел по адресу и был принят в модельный цех завода. Начальник цеха мастер Муртуз, узнав о его образовании, заявил:

— Ну что ж, поработай, посмотрим, какой из тебя мастер выйдет!

Улдузу ответили место в общежитии. Это было длинное здание с выходящими на обе стороны окнами. Кровать Улдуза стояла у самых дверей.

Староста комнаты Виктор, познакомившись с Улдузом, сказал:

— Ребята, поздравим гостя с прибытием. И кстати, сразу же дадим ему общественную нагрузку.

Все одобрили это предложение. Виктор встал и с шутливой торжественностью пожал Улдузу руку.

— Библиотекой ведает у нас некая девица. Она обычно нашим ребятам хороших книг не выдает. Кто бы из нас к ней ни подошел, она предлагает нам только «Мурзилку» и «Сказку о рыбаке и рыбке»... Ты парень, видно, неглупый, сумеешь найти с ней общий язык...

Виктор полюбопытствовал—любит ли Улдуз пение и музыку.

— Отчего же, очень люблю.

— Значит, и петь можешь?

— Что вы, какой из меня певец?

— Если действительно сам не можешь, то должен организовать. Постарайся пригласить в общежитие Бюль Бюля или Рашида Бейбутова.

Виктор указал на висящую над кроватью балалайку.

—А мы с балалайкой всегда к твоим услугам.

В первый же месяц многие на заводе узнали Улдуза. Выпущенная им стенная газета всем понравилась, особенно карикатуры.

4

На другой день после ухода Улдуза Галендаров получил письмо.

«Отец, — говорилось в письме, — я в неоплатном долгу перед вами за вашу родительскую заботу. Однако сыновний долг, как бы он ни был велик, не может заглушить во мне голос совести... Меня мучит то, что я каждый раз вижу дома. Мне все это надоело—и пьянки, и оскорбление памяти моей матери. Не могу я больше молча терпеть все это. И вот я решил уйти. Не могу я оставаться в такой семье... Меня не ищите. Я устроился на работу, местом своим доволен...»

Галендаров несколько раз пробежал это письмо, увы, без обратного адреса... Он еще вертел его в руках, рассматривая со всех сторон, когда в дверь постучали. Это была учительница Хораман-ханум. Она беспокоилась об Улдузе. На ее вопрос Галендаров, не задумываясь, ответил:

— Поехал в район к родственникам. К концу недели вернется...

На это Хораман-ханум возразила:

— Куда он поехал, я не знаю. Я знаю только, что у вас ему живется далеко не сладко. Вы должны понять, что воспитание детей — не только семейное дело, а наш гражданский долг.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, я специально займусь им, специально... Я теперь окончательно перебрался в город.

Многое хотелось сказать Хораман-ханум, но она только произнесла:

— Да, надо взять себя в руки, заняться сыном...

Упреки учительницы, уход сына и, наконец, его письмо—все это заставило Галендарова задуматься. Он только теперь начинал сознавать, что в сердце его тихого и послушного сына уже давно появилось негодование против отца.

Когда Галендаров спросил Секину, та сердито ответила:

— Да будь ты неладен! Разве ты не думал, что твои бесконечные женитьбы, в конце концов, оттолкнут от тебя сына? Ты что, плохо знаешь теперешних детей? Не знаешь, какое воспитание дает им школа?..

Галендаров, в надежде получить хоть какие-нибудь сведения об Улдузе, отправился к своей сестре. Он вошел в комнату, и ему бросился в глаза портрет его первой жены Беюкханум. Она держала завернутого в одеяльце сына. Галендарову почему-то показалось, что эту фотографию намеренно, с каким-то умыслом повесили к его приходу. В глазах Беюкханум были гнев и упрек. Ему казалось, с ее губ вот-вот сорвется:

— Подлец!

Казалось, это не было только одной игрой воображения. Это слово, гневное и презрительное, звенело в его ушах. Он сунул руку в карман за платком и услышал шелест лежавшего там письма. Сестры не было дома, и он, никому не сказав ни слова, поспешно выбежал на улицу.

Под различными предлогами он обошел всех знакомых, но так ничего и не узнал об Улдузе. Он предусмотрительно никому не открыл истинной причины своих визитов.

Ему было необходимо во что бы то ни стало разыскать сына. Он опасался нежелательных для него последствий: боялся запросов школы, ужасался при одной мысли попасть в газету.

Но все эти опасения не были для Галендарова решающими. Главное заключалось в том, что он, как и всем на свете, не доверял своей Агибет. Он жил в тайном страхе, что когда-нибудь, вернувшись с работы, найдет свою квартиру пустой, подобно мечети. Ни в коем случае нельзя было оставлять квартиру на одну Агибет. А его единственный сын покинул его. Галендарову прежде не приходило в голову, что его сын решится уйти из дома. С уходом Улдуза возникла угроза его благополучию, его, как он думал, доброму имени. Теперь, обходя отдаленные районы города, заводы и фабрики, обивая пороги учреждений, Галендаров, казалось, искал уже не сына, а свой внезапно утерянный душевный покой.

Тем временем Улдуз обо всем случившемся с ним рассказал секретарю заводской комсомольской организации Исламу.

Разговор начался с того, что Ислам поручил Улдузу выступить с докладом на тему «Моральный облик советского человека». Улдуз подготовился к порученному ему докладу, но, прежде чем выступить перед ребятами, решил поговорить с Исламом.

— Пойми, Ислам, если в семье человека, проповедующего мораль, нет подлинной моральной чистоты, то он просто лицемер. Что, если завтра, во время моего доклада кто-нибудь поднимется и спросит: товарищ докладчик, скажите, Галендаров не ваш отец? Что я ему отвечу? Нет, Ислам, я не могу делать этот доклад, будь другом, поручи другому.

5

Виктор сидел на кровати, что-то подбирая на балалайке и прислушиваясь к спору возвратившихся из кино ребят.

Вдруг в коридоре послышался чей-то голос:

— Эта комната номер одиннадцать?

— А кого вы хотите?

— Мне нужен Улдуз, Галендаров Улдуз.

Улдуз стремительно подошел к дверям. Галендаров бросился к нему и крепко обнял.

— Сынок, куда ты запропастился? Я сбился с ног, разыскивая тебя.

Улдуз пригласил отца в комнату.

— Садись, отец...

— Нет, нет, я не сидеть пришел, собирайся, идем!

Ребята повторили приглашение:

— Садитесь, пожалуйста!

Галендаров стал настаивать:

— Собирайся, собирайся, идем! С шофером я уже договорился.

Вдруг он вспомнил, что Улдузу, собственно, нечего собирать. Все в общегититии принадлежало государству. Что, кроме книг, может быть у Улдуза? И он опять повторил:

— Попрощайся с товарищами. Уже поздно!

Улдуз взглянул на нетерпеливо переминавшегося с ноги на ногу отца, потом перевел взгляд на товарищей, выжидательно смотревших на него, и опустил голову. Нужно было найти выход из создавшегося положения. Медленно подняв голову, он тихо произнес:

— Отец, ведь я же работаю...

— Кому нужна твоя работа? Вставай, пошли.

Улдуз собирался возразить отцу, но кто-то из ребят опередил его:

— Вам не нужна, так нужна государству!

Галендаров оглянулся. Он увидел множество устремленных на него глаз, и ему показалось, что эти слова произнес не один человек, а все находившиеся в комнате. Он повернулся к сыну.

— Сынок, сколько мы с тобой соли вместе съели. Неужели ты покинешь меня?

Сдерживая бившую его дрожь, Улдуз ровным голосом ответил:

— Что говорить о соли, отец. У каждого есть свой долг. Ты сам государственный служащий и знаешь это не хуже меня.

— Значит, ты отворачиваешься от своих родителей, от матери и отца?

— Ты напрасно здесь упоминаешь мою мать. Не тревожь ее память. Что же касается отца, то ты знаешь, кто повинен во всем случившемся.

Ребята, затаив дыхание, слушали этот словесный поединок между сыном и отцом. Те, кто успел лечь в постель, ~~встали~~ поднялись и, облокотившись на подушки, прислушивались к спору.

Галендарову и в голову не приходило, что он может попасть в столь затруднительное положение. Он был достаточно далек от всего, что выходило за пределы его собственных интересов. Он был убежден, что дети и семья представляют собой нечто вроде глины, которую можно мять как угодно. Из этой глины, думалось ему, можно вылепить все, что захочешь. И вдруг в этой глине выросло непослушное упрямое дерево...

Галендаров растерянно произнес:

— Улдуз, ведь ты мой единственный сын. Для кого же я столько трудился? Для кого накапливал и хранил свое добро? Разве в городе мало школ и учреждений, где можно работать? Что ж, я не упорствую, если хочешь, я прогону и жену.

— Нет, отец, мое решение твердо.

Сам не свой вернулся домой Галендаров. Он не мог допустить, что будет так унижен. Теперь даже собственная квартира казалось ему враждебной. Галендаров почему-то не решился лечь спать на свою кровать, а, завернувшись в одеяло, прикорнул на старом диване. Казалось, он с минуты на минуту ждал, что кто-то схватит его и вышвырнет на улицу.

На утро Агибет, с трудом добудившись его, показала ему на окно.

— Взгляни-ка, на дворе настоящая весна, поднимайся!

— Мне холодно. Накрой-ка меня еще одним одеялом!

Начинался трудовой день. Нестройной шумливой толпой шли к заводу молодые рабочие—друзья Улдуза. Они переговаривались меж собой:

— Да, — сказал Виктор, видно, продолжая разговор, — обычно отцы воспитывают сыновей, а бывает и наоборот.

— Вот именно, бывает...